

18+

Денис Славиков

**В синеве луны
сверкают цепи**

Денис Славилов

В синеве луны сверкают цепи

«Издательские решения»

Славиков Д.

В синеве луны сверкают цепи / Д. Славиков — «Издательские решения»,

В репертуаре лунного цикла, а значит — что ни на есть горькое лекарство и едкая истина для вас, дорогие зрители-читатели. Его кульминация!

© Славиков Д.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Дивертисмент (первый танец)	7
Либретто	9
Мимесис	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

В синеве луны сверкают цепи

Денис Славиков

© Денис Славиков, 2026

ISBN 978-5-0071-1143-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Не любя макаронистые предисловия, сейчас читателю-зрителю я лишь настойчиво дам рекомендацию. Итак, на протяжении всего представления наши абстрактные софиты, что погружают сцену в глубокий синеватый свет, справляются; однако, когда напряжение сбоит, а сбоит оно частенько — они выключаются, а перезагружать их приходится долго. Поэтому, пока амплуа сменяются перед вами, наденьте очки холодных сумерек, дабы страницы, сцена и ваше сознание погружались в синеватые мистические оттенки. Этаким исчерна-синий светофильтр в глазах у зрителя, этаким исчерна-синий светофильтр в сознании у читателя. И даже если он вдруг смешается с другими фоновыми колоритами и родит новые тона — ничего страшного; наслаждайтесь!

О, и чуть не забыл: включите на фон «Мистическое» в «Яндекс Музыке» — так будет вкуснее.

Дивертисмент (первый танец)

И в начале было никак не слово, то была мысль моя: «я излишне хорош для неё...». И как же ошибочна была та мысль...

Я заметил ту шатенку на лакированных лоферах ещё на входе в театр, что располагался близ «Медного всадника». И в тот поисковой вечер лишь одну её мой внутренний сонар обнаружил: не потому, что лишь одна она была столь притягательна и лишь отчасти подходила под критерии «охоты» среди посетительниц сего заведения.. нет.. то было ошибкой в работе прибора, но судьбою уготованной неслучайно.

Кулисы распустились, и точно распустился пышный цвет из бутона мака — на сцену вышла компримарио, когда я сделал умозаключение, что на нашей с вами сцене метатеатра минутами ранее появилась солистка, точно расцвело уже поле маковое, всецело, в один миг, в миг, когда её рука толкнула огромную входную дверь, а я сосредоточенно выискивал жертву из приходящих зрителей.

Пока свет не приглушили, та фрейлейн заняла место в двух рядах передо мною, и я уже блаженствовал в предвкушении того момента, когда я примкну губами к её кудрявым кармельным волосам; когда я глубоко вдохну лёгкий и ненавязчивый земляничный аромат её духов.

Меня уже никак не интересовало, что бурлило под светом софитов. Лишь одно — тёмный силуэт, что въедался в глаза; лишь бы придумать, как после к нему подобраться поближе. Я бы сравнил это с ловлей бабочек, однако по завершению их накалывают на булавку, а я же выискивал раненых и покалеченных, дабы даровать им благо, высвобождая от их собственного плена. Да, цепи её не так уж и длинны, но упустить такову прелесть не представлялось возможным. Варианты развития событий так и мелькали в возбуждённом сознании, пока не выстроился идеальный план действий, мною нелепо проваленный, и всё же победный...

Все начали расходиться, и в толпе я юркнул за нею. Вечерний город пал в лёгкую хандру, то есть заморосил дождь (это было видно из огромного окна), я же подстраховался и прихватил с собою зонт, мне лишь оставалось не упустить девушку, пока пришлось бы стоять в очереди к гардеробу. «Как же мне свезло» — подумал я, когда увидел, что и она заняла позицию в соседней колонне. Я любовался, и налюбоваться не мог: такое изящное элегантное чёрное платье; на нежной ручке пару браслетиков; незатейливая укладка, но какая милая, с непонятной штучкой у виска; и всё-всё, на что я засматривался — всё-всё определённо было ей к лицу, фигуре и нутру. Будто кукла на витрине, самая дорогая, вот подойди, купи, и заведи домой, потом на самое видное место в доме поставь. Но мне так не хотелось, мне вспомнились эти фразы: «кто владеет ничем, тот не боится это потерять» или же, «кто ничем не обладает, тот обладает всем». Поэтому, будь она этой куклой, этой бабочкой или этим полем маковым, я бы ни за что на свете не обладал всем вышеперечисленным. Верно, чтоб она просто цвела, летала и красовалась в свободе и живой.

Вдруг меня окликнули: «Молодой человек, вы дадите уже свой номерок?! Очередь задерживаете!» Тут то я и опомнился: цепи.. мне от неё нужны лишь цепи, чуждые раздумья пусть исчезнут.

Пока я возился с курткой, упустил из виду жертву и сразу устремился на выход. Упустил? Раздосадовался. Но вдруг косой дождь сменил направление, и меня понесло за ним. Ускорив шаг, я шлепал по лужам, и вот он, тот самый силуэт в пятнадцати метрах. Никого вокруг, канал по правую руку, узкая тусклая улица и усилившиеся осадки. И цель моя, сердешная, без зонтика.. идеальный повод проводить до дома. Но затея изначально была вовсе другая: я собирался подойти и сыграть дурачка, мол, извините, я всю оперу проспал, расскажите мне, что да как.. за чашкой кофе...

Я побежал за ней, зонтик беспощадно сдувало ветром. И вот на полпути, крича: «Девушка! Девушка! Позвольте вас...», ваш покорный слуга был уже в пяти метрах от той самой, но не успел он закончить реплику, как запнулся, и всем телом рухнул в лужу.

Не в грязной воде я лежал, не в сырую землю уткнулся я.. то были разочарование и неминуемая гибель последних надежд. Так печально мне было в тот миг, потому и голову поднимать не хотелось, но когда всё же это сделал, то увидел перед собою её. И так хорошо сложилось — так хорошо дождь скрыл мои слёзы. Я ведь всплакнул не потому, что валялся там, не потому, что вот-вот мог упустить намерения, а лишь из-за неё. Как она не убежала и не покинула меня. Другая убежала бы, вероятнее, а она не испугалась, протянула руку даже.. так по-ангельски...

Либретто

Прошу простить меня, простить как прощает любовь бугорки и неровности того, на кого направлены её лучи; простить как прощаем мы маленького котёнка, что помочился не там, где хотелось бы; простить легко и понимающе. На нашей сцене декорации будут, но возможно, не в стольком количестве или не в столькой детализированности, как вам позволительно ожидать. Мы же акцентируем внимание на внутренних пейзажах: на перегное, тенях, шероховатостях, пыли, запахах душевных, головных. В течение всего представления попрошу это хотя бы припоминать. Также не забывайте разглядывать, например, рояли в кустах, тумбочки с выдвижными ящиками, цвет и структуру блюд, отражение, одежду, частные домики или многоэтажные высотки где-то и у себя. Зритель, актёр, рассказчик — одно и то же лицо: и нутро наше, это целое, это, если вам понятнее, наша сцена. Простите за то, что вы можете увидеть и разглядеть здесь; простите себе непонимание и слепоту вероятную; простите, если увиденное и внешне не понравится вашему критику, возможно, он фанатик своего дела; и простите моё занудство; ещё чуть-чуть и представление начнётся. Слышатся вздохи, смех, бормотание в полном зале, и полон он лишь одним зрителем, как полна скорлупа орехом и только. Свет приглушается, и взбирается занавес. Прошу не влюбляться, не кривить губою, не кидаться камнями и не отдаваться дремоте. Нас ждут четыре акта, два дивертисмента, и, конечно же, антракт, дабы вы были сыты не только питательными буквами и вкусными образами, но и метафизическими изысканными закусками, сочными фруктами, горьким пивом, бурлящим шампанским и неласковым вином в нашем не более реальном буфете «Приятного аппетита»!..

...Вечно печальный город П кутали сумерки, каждый раз когда я выбирался на свою «бесцеремонную охоту». Бесцеремонной она являлась в первую очередь для меня самого, как бы это не противоречило самой сути этого слова: она противилась мне в ином состоянии — состоянии вне ловли и мании. И если процесс ловли я поясню с минуты на минуту, то картину мании озарю позднее.

В периоды обострения, если же их так можно обозвать, мои зрачки изрядно увеличивались для обнаружения «оков». И были они точь солнечное затмение, точь лунный диск, в тот миг опалённый по окружности остатками солнца, в тот миг своего величия и превосходства. Слух усиливался и позволял за сотни метров улавливать звон и скрежет цепей, что тянулись за поникшими девушками. Как бы они не пытались скрыть внутреннюю искреннюю безнадежность за натянутой гримасой — это не спасало их от меня. Кандалы, свисающие, громоздкие, адски впивались в их тела и позволяли опознавать цели. Оковы отчаяния — это инструмент моего воздействия на жертв.

Не зная пленниц лично, или же зная (это не имело значения) я легко подбирал металлические тяжелые поводья и мастерски овладевал ими. Отчаяние оставляет глубокие шрамы, что в мгновение позволено заполнить забытьём. Однако забытьё, что я внушал, служило и ядом и панацеей для нас обоих.

Я затаскивал их в постель. Тот алтарь и тот акт являлись завершающими во всём нашем обоюдном спектакле. Когда же они были на мне, все их страхи исчезали; последние сомнения просачивались с потом; а отчаяние сменялось на смирение: смирение существующее в полудремоте и порождённое ею. И оковы спадали с их нежных шей, изувеченных запястий и натёртых лодыжек. И устремлялись прямо на меня. Я разбивался как хрусталь; вновь и вновь, дабы собраться правильно. Моему безумству и.. были нужны сверкающие чарующие цепи... Резонанс необходимости, уверяю, вы обязательно узнаете...

Мимесис

— А вот ты как-то выражался: абсолютная свобода наступает со смертью; а наша с тобою близость есть акт освобождения от оков... Тогда получается верно и следующее: соитие — это смерть? Или как?

— Что-то в этом духе. Тем самым мы делаемся свободнее, но никак не свободными абсолютно. Однако, и смерть там присутствует, а именно в лице бесконечной темноты... Мы ведь обычно занимаемся под одеялом, ночью и без источников света...

— Дурак! — возмутилась она, и щеки её опалились. — Я ведь серьёзно спрашиваю.

А серьёзен я, в действительности, тогда был лишь в одном. В намерении укорениться в её бедном сердце, в её наивной голове, дабы первое никак и никогда не наивно, если же можно приписать ему такое качество. В делах обольстительных важно понимать, что захватить ретивое труднее, тогда как рассудок более шаблонен — в данной ситуации он улавливает прописную истину, мол дурачество с умным свыше умничества с дураком, и поэтому клюёт даже на такую пошлость.

Показательно обидевшись, лишь на толику, она аккуратно встала и направилась к холодильнику, вынула дорогой херес, бахнула его на стол, а после, подставив дряхлый табурет, полезла за бокалами. Не торопясь огорчать её, я только после всех процедур заявил, что компанию в распитии ей не составлю.

— В следующий раз — обязательно, — утешил я, — сегодня что-то не хочется.

Однако я врал: мне же желалось, но не дело пенициллиновым в моей крови бултыхаться со спиртным — печени не по нраву такие нагрузки. Да, и с такими бывавшими жертвами ради дела приходилось мириться и справляться. Что ж, пока что, с минуту назад я лицезрел белизну её стройных ног, чтобы в конце таки концов, не только лицезреть, но и слиться, сегодня — с ней, а уже завтра — с белизной, пока что и лишь пока что, недостижимой Луны. Да, такими мыслями я тешился из раза в раз с такими же, как она, прелестными бедными сердцами...

Плыл вечер медленно; также как и холодные крупные лохмотья за окном, точь кто-то свыше распотрошил облачные подушки и одеяла и расшвыривал их набивку всеми десятками руками своими; фонарный свет улицы внутри кухни сливался с приглушёнными лучами настольной лампы; шуршали страницы неизведанного журнала в её руках; томилась батарея, иногда в ней еле слышно булькала вода; а подо мною поскрипывал стул. Второй бокал опустел.

— Ты ведь ко мне ничего не питаешь? Правда?

— Определённо я питаю...

— Съ! Питаюсь! Вот именно! Я тебе даже не нравлюсь! Ну подожди, дай мне сказать, пожалуйста. Ты приходишь так уже месяца два.. а зачем всё это?.. Чтобы что?.. Когда тебя любят.. в глазах всё видно.. а у тебя там ничего, у тебя там пустота.

Мне резко вспомнились тёмно-карие глаза, не собеседницы; другие; вот они, а вот и другие; на тёмно-кареглазых мне когда-то не везло — в таких зеницах трудно различить хоть что-то.. вот оно что...

— Если же я не умею выражать это...

— Прошу замолчи... Всё ты умеешь, я знаю...

Она застала меня врасплох: от неожиданности и притуплённого чувства вины хотелось вовсе ничего не говорить, покорно соглашаясь, проваливать взор куда-то вниз. Она начала плакать.

— Не делай из меня дуру, пожалуйста...

После она молчала — лишь шмыгала носом, тёрла глаза и выжимала оставшиеся слёзы. Я тоже молчал. Спустя пару минут щёлкнула пальцами и широко раздвинула ноги, продолжая плакать. Таков был звоночек к действию: и я спустился под стол.

Её стопы укутаны в шерстяные чёрные носочки, особо, на удивление, колючие; я аккуратно снял их; рассмотрел каждый пальчик, они мне нравились: базовый педикюр, ровные и милейшие; после, нежно и подробно, предварительно увлажнёнными губами, покрыл поцелуями путь дальше, путь, изредка вымощенный шрамами селфхарма — и левая, и правая не оставались обделёнными никогда. Плач прекратился, а я добрался до соединения ног-дорог, уже всю покрытых мурашками; поёрзав, она позволила мне стянуть своё единственное нижнее бельё. Первое прикосновение, дёрнулась еле заметно, а после, глубокие нарастающие вдохи...

После полуночи я сбежал от неё. С небес всё также рушился снег, так тяжело он падал на меня, так мне казалось... На такси я добрался в окрестности своего дома, лишь потому, что собирался сначала забрести в круглосуточный магазин за песочными палочками. Захотелось сахара добавить в горькую реальность. После таких встреч на меня всегда накатывало... То вовсе не удивительно: мне и самому от всего этого было тошно, но больше воздействие оказывали приобретённые цепи. Они никуда не девались, они нарастали на меня, прорастали в меня, вселяя в каждый уголок нутра чужую боль. К утру становилось полегче, однако после содеянного иногда бывало и вовсе невыносимо. Зависимость прямо пропорциональна: чем длиннее похищенные цепи, тем больше похищенных страданий; тем свободнее спасённым, тем ближе я к своей цели... Когда-то я любил жизнь, её целикомую, когда-то я любил людей, каждого по-своему. Но что-то произошло — цвета померкли, окружение отпало, словно некогда листья потеряли Солнце, скукожились, а затем сгодились перегноем. Настала зима внутренняя: в ней же я не знал чего хочу: ни от себя, ни от других... Простейший обыватель, что бороздил привычные улицы, вдыхал неограниченный тяжёлый воздух и плыл в бензиновых лужах. Ничто не волновало меня: сам себя не волновал, окружающие и тем более меня не интересовали... И явилась весна! Нам, каждую минуту, точно прописано доктором, что-то или кого-то любить, и я вновь полюбил... И любовь та сталась обречённой на вечность...

Близ шкатулки с товарами на высушенном канализационном люке теплилась дворовая кошка, окинувшая меня тусклым взглядом, пока я проходил мимо.

— Снова вам не спится... Ну, хоть не под утро пришли...

Я ночной завсегдатай сего заведения, а добрый пожилой продавец — и работник и хозяин.

— Да уж, пораньше пришёл... Мне три штучки палочек, и пачку кошачьего корма.

Досадно! К лакомствам кисочка не притронулась, лишь шелестнула хвостом о брюки и выпросила почесать за ушком. Я не отказал ей в этом. Была бы она определённая, ну такая, какую мне разрешила Она, я бы забрал её к себе...

Впустить в свою обитель я мог лишь конкретную кошку: кошку белую-белую, короткошёрстную, с большими электрическими разрядами-вспышками справа и слева от розоватого влажного носика, с параллельными антеннками длинными-длинными, а главное — дабы кличка была ей Мунка. Она бы встречала меня как-нибудь грациозно или как-нибудь вприпрыжку, махая хвостиком; теплилась со мною в кровати, сладко мурлыкая и рефлекторно тискающая кровать, оставляя при последнем зацепке на простыне; и в нашем маленьком мирке любила бы меня по-соседски или ещё как, была бы просто счастлива. А за такое счастье я бы разбивался в лепёшку, если потребовалось бы; был учтив и внимателен к маленькому комочку снега; развлекал и веселил; частенько готовил бы специальные угощения для всепрощительной проказницы; когда надо — отвозил к филинологу и подлечивал.

До квартиры оставалось минут безфонарную аллею голых клёнов. В ней мне обычно насаждались раздумья о теньях, или же раздумья о себе. И та ночь не сбылась исключением...

И если прежде я был тенью своего окружения, без которой никуда, хоть она и просто тень, то ныне я полутень того, кем я был когда-то, полутень бывшего окружения. Если тогда со мной можно было поиграть, сложив руки, а следом и пальцы, то ныне я блеклый и еле-еле заметный, хоть все ещё и существую. А быть мне тенью Хиросимы, что запечаталась на

стене в мгновение взрыва ядерной бомбы, быть мне обездвиженным и заточенным навечно в мгновении и пустоте одновременно, я станусь просто-напросто мыслью о прошлом, кому-то забредшей в голову...

А когда же домыслов становилось достаточно, я предварительно осмотревшись и убедившись, что впереди и сзади никого, где-нибудь на середине пути ложился спиной в сугроб, рассматривая ответвления деревьев надо мною. Черных сосудов движения завлекали меня наравне мыслей о тенях. Часто засматриваясь, я поднимался от жуткого холода или от прохожих, деликатно или не очень интересующихся, а жив ли я вообще... И та ночь не сбылась исключением.

Только я минул входную дверь, на телефон прилетело обыденное сообщение от «точки с запятой»: «Больше видеть тебя не желаю, не приезжай!» Мне же оставалось только дожидаться следующей весточки от неё, лишь дня через три-четыре, а может и меньше.. а может и через три-четыре месяца вовсе.

В квартире у меня уютно, минималистично и аккуратно; жилплощадь небольшая, однако со всеми удобствами и комфортная до жути. Три станции Алисы: две мини, одна из них лимитированной версии; одна побольше цвета малины. Лампочки, светильники, розетки, датчики влажности и движения, чайник, увлажнитель.. и все подключены к Алисе.. короче самый настоящий умный дом. Из всего этого хайтека выделялся пожалуй лишь старый кабельный телефон для особенных разговоров с особенной собеседницей. Мы с ней не виделись вживую, однажды она просто позвонила мне на этот самый телефон.. так и созваниваемся иногда по ночам.. и всё же — тягать цепи через два медных провода тщетная затея.. и чтобы забрать их в достаточном количестве, я кое-как подведу к личной встрече...

Что-то я отвлёкся, итак, насчёт квартиры.. в её цветах преобладает альпийский зелёный и его оттенки; под ногами кварцвинил, выложенный ёлочкой; по бокам дерево-дерево; комнатные растения, блэкаут шторы, кондиционер, книжки, всякие копилочки... Всего одна комната, кухня и отдельный санузел... Достоинство мыльной — это сразу два отдельных места для купания: резервуар для водных процедур, то есть ванна, и тропический душ. На кухне холодильник, морозилка, газовая плита, духовка, кофемашина, электрогриль, стационарный блендер, микроволновая печь, вытяжка, набор чугунной посуды и ещё всякого по мелочи...

— Алиса, я дома.

И загорелся свет где надо, включился котелок, заиграла музыка. Раздевшись и пригубив кружечку чая, я завалился в кровать, и запросив звуки камина, укутавшись в одеяло и красно-белый клетчатый плед, уснул во избежании трёпки собственной души.

В ту ночь мне снился сон, сон необычный и красочный, страшный и приятный. Я стоял в высокой траве, что нежно щекотала моё голое тело. Небо серо-голубое, однотонное и глубокое смотрело на меня; в ушах шумел ветер и шелестела растительность. И вдруг из пелены серых облаков показалось что-то.. сначала я отличил пальцы, затем фланги.. это была ладонь. Не успел я опомниться, как она заняла четверть купола надо мною. Она медленно приближалась, уже рука целикомая, и мне становилось страшно; казалось она вот-вот оторвёт кусок планеты и остальных впридачу... Я не отводил взора. Рука гладкая-гладкая розовая лоснящаяся вот-вот придавит меня... Я зажмурился и растворился в звуках природы, и тогда, уже готовый принять смерть и проснуться, я ощутил нечто. Рука гладила меня, сначала по голове, затем по лицу, по плечам, и тут она как-будто разделилась на десятки таких же рук, только нормального и привычного размера. Они ласкали меня уже везде, абсолютно везде.. принялись за член, несколько секунд, и мне уже чудилось, что он вот-вот лопнет; и только в мгновение небывалого оргазма я поднял веки и посмотрел вниз. Руки те не останавливались, всё ласкали и ласкали; а из уретры вытекала чёрная густая слизь, она сочилась без остановки, стекала по рукам тем и устремлялась к почве. Экстаз сменился жутким отвращением, а я сразу же проснулся...

— Алиса, который час? — пустил в темноту я, весь покрывшийся испариной.

— Четыре часа, тридцать девять минут.

Затрещал телефон — это она на проводе.

Я подтянулся поближе к подушке, уселся позой бабочки, протянул руку к столику близ кровати и, ухватив аппарат целиком, положил его рядышком. Замолк. И снова звонок.

— Умри! Умри! Умри! Умри! Умри! Умри! Умри! Умри! — пискляво и быстро звучало оттуда.

Щелчок. Это я бросил трубку. И опять вызывают.

— Аллю. Не разбудила, надеюсь?

Её спокойный бархатистый голос пришёлся кстати: он сразу же успокоил меня; и в ночи всегда казалось, что беседую я не с человеком по ту сторону, а с феей с другого измерения, или же с другой галактики, где звёзды между нами отдают неописуемыми звуками-свечениями в динамике.

— Это ты только что звонила? Твои проделки?

— Эм, о чём ты? Я первый раз вот только набрала тебя. Ты чего?..

— Да ничего...

— Я это. Я. Решила пошутить так. Испугался?

Она посмеялась.

— Ну и жуть. Мне только что приснился кошмар, вот и проснулся. А тут ещё ты со своими приколами.

— Прости.. кто ж знал. Вот и тема для разговора.. хотя у меня была одна заготовлена на сегодняшнюю ночь. Поделишься своим кошмаром?

— Разумеется — ответил я и в подробностях описал своё сновидение, наматывая на свой палец шнур звонилки.

— Что это может значить? Как думаешь? — поинтересовалась она.

— Ничего в голову не лезет.

— Ну у меня есть пару догадок; я насобираала их, пока ты рисовал. Первая. Раз сон есть наша проекция, точнее проекция нашего сознания — верно то, что тебе явилось — это своего рода зонг от самого себя себе же. То есть.. как бы так сказать.. ну ты понял...

— Понял, тогда уж грустновато это всё.

— Да, видно вокруг и в тебе та чёрная флегма, тот чёрный секрет...

Услышав такое сравнение я призадумался, но дабы не прерывать, поставил воображаемую засечку на этот счёт у себя в сознании.

— Вторая. Может быть это предзнаменование? У меня вот, например, сны часто сбываются. Кстати! Недавно мне снился ты. Хотя мы и не виделись, но я точно знаю, что это был именно ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.